
Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть I*

© 2020 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 30.09.2019

В статье рассматриваются логические парадоксы (парадокс знака, теоретико-модельный аргумент Патнэма, парадокс лжеца, апории Зенона, антиномия Рассела) с точки зрения коммуникативной модели смыслообразования. Семиотические поступки авторов парадоксов анализируются на основе так называемого коммуникативного ключа, или принципа семиотической (коммуникативной) определенности, в соответствии с которым: любой парадокс является личным (авторским) коммуникативным поступком (попыткой семиотического воздействия); в любом коммуникативном действии понимается авторское когнитивное состояние в момент воздействия, в отсутствии которого знак (вербальный, жестовый, поведенческий и пр.) не обладает тождеством; парадокс есть попытка коммуниканта «подвесить» когнитивный процесс, дать неисполнимую инструкцию, как мыслить, на основе «правдоподобных предположений цепью бесспорных на вид рассуждений»; «подлежащее» в коммуникации, в том числе область «дано» в парадоксах, назначается и мыслится говорящим (пишущим) обладателем сознания; знак не может производить воздействие автономно, вне авторского мыслимого коммуникативного (воз)действия; обозначающим в коммуникации выступает сам актер, а не знак; анализируемая знаковая последовательность не может означать больше или меньше того, что помыслил коммуникант, совершивший семиотическое действие с вовлечением данных знаков. В статье также формулируется так называемый закон назначения актуальных коммуникативных множеств. Коммуникативная интерпретация парадоксов (антиномий, апорий) обнаруживает, что их авторы для достижения целей семиотического воздействия выходят за пределы логики (например, нарушают закон исключенного третьего), демонстрируя процесс поглощения логики коммуникацией. При этом для авторов парадоксов оказывается невозможным нарушить коммуникативные константы, в том числе, отказаться от актуального назначения объектов (множеств), признать неакциональность семиотических поступков, изъять коммуниканта из коммуникативной процедуры, признать автономное значение «знаков» и «языков». Во всех коммуникативных поступках единственной опорой тождественного смыслообразования выступает активное сознание семиотического актора, направленное на изменения когнитивного состояния мыслимого адресата. Парадоксы снимаются при условии реализации принципа коммуникативной определенности.

---

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, грант № 17–18–01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели» в Институте языкознания РАН.

Ключевые слова: логический парадокс, антиномия, апория, сознание, коммуникация, смыслообразование, коммуникативная модель, семиотическое воздействие, принцип семиотической определенности, закон назначения коммуникативных множеств, закон исключенного третьего, множество.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-71-85

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть I // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 71–85.

Sense Generating Process in Logic Paradoxes: the Principle of Communicative Certainty. Part I*

© 2020   Andrey V. Vdovichenko

*Institute of Linguistics RAS, 1b./1, Bolshoi Kislovskii per., Moscow, 125009, Russian Federation;
Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities,
23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Received 30.09.2019

The article considers logical paradoxes (the sign paradox, Putnam's model-theoretic argument, liar's paradox, Zeno's paradoxes, Russell's paradox) from the point of view of the communicative model of sense production. The semiotic actions of the authors of paradoxes are analyzed on the basis of the so-called communicative key, or the principle of semiotic (communicative) certainty, according to which: any paradox is a personal communicative act (a series of communicative impacts, or attempts to semiotic influence); in any communicative action what is understood is the author's cognitive state (process) at the moment of acting, in the absence of which the sign (verbal, gestural, behavioral, etc.) does not have the self-identity; the paradox is the communicant's attempt to "suspend" the addressee's cognitive process, to give impossible instructions on how to think, on the basis of "plausible assumptions by a chain of undeniable-looking reasonings"; "subjects" in communication, including the data, is appointed and thought of by the owner of consciousness; a sign cannot produce an effect autonomously, outside the author's conceivable communicative action; the actor in the communication is the signifier, not the sign; the analyzed sign sequence cannot mean more or less than what the communicant who committed the action, thought of them. The article also formulates the so-called law of the assignment of relevant (actual) communicative sets. A communicative interpretation of paradoxes (antinomies, aporias) reveals that their authors go beyond logic to achieve the goals of semiotic influence (for example, they violate the law of the excluded middle), demonstrating the process of absorbing logic by communication. At the same time, it is impossible for the authors of paradoxes to violate communicative constants: they cannot abandon the actual assignment of objects (sets), recognize the performative nature of semiotic acts, remove the communicant from the communicative procedure, recognize the autonomous meaning of "signs" and "languages". In all communicative acts, the only basis of the identical sense-formation is the active consciousness of the semiotic actor, aimed at changing the cognitive state of the conceivable addressee. Paradoxes are eliminated if the principle of communicative certainty is applied.

Keywords: logical paradox, antinomy, aporia, consciousness, communication, sense formation, communicative model, semiotic influence, principle of semiotic certainty, law of constructing communicative sets, law of excluded middle, set.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-71-85

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2020) "Sense Generating Process in Logic Paradoxes: the Principle of Communicative Certainty. Part I", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 71-85.

---

* The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No. 17-18-01642 "Developing the communicative model of verbal process in the conditions of crisis of the language model"). The project is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Парадоксы, или антиномии, фактом своего возникновения, как известно, маркируют точки неуверенности теории, стимулируя эвристический процесс по уточнению прежней теоретической модели или построению новой на основаниях, заново обретенных в ходе преодоления возникшей апории. Так, *антиномии теории множеств* «показывают, что наивная концепция множества, фигурирующая в канторовском “определении” множества и в получающихся из него общеизвестных следствиях, не может служить удовлетворительной основой теории множеств, не говоря уже о математике в целом. Роль антиномий как фактора, контролирующего и ставящего ограничения на дедуктивные системы логики и математики, можно сравнить с ролью эксперимента, проверяющего правильность полудедуктивных систем таких наук, как физика и астрономия, и вносящего в них видоизменения. Для целей более прочного обоснования теории множеств в принципе безразлично, считать ли антиномии катастрофой, заставляющей нас помимо нашего желания искать другую, более надежную основу, или же рассматривать их в качестве (своевременно обнаруженного) симптома болезни, которую без них можно было бы и проглядеть. Какие меры следует принять для лечения и насколько они должны быть радикальными, не обязательно зависит от того, какую из двух вышеупомянутых позиций мы займем» [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 31].

В предлагаемом мною ракурсе рассмотрения антиномий (классических и заново предложенных) главным объектом, подвергаемым экспериментальной проверке на прочность, оказываются *основы (основания) смыслообразования в семиотических процедурах*. При этом, как и положено, само наличие парадокса – «явного противоречия, выведенного из весьма правдоподобных предположений цепью бесспорных на вид рассуждений» [Там же, 17] – уже свидетельствует о «недомогании» данного варианта теории, или данной теоретической модели. И, наоборот, преодоление парадокса в рамках иной (или скорректированной) модели свидетельствует о ее преимущественной работоспособности («правильности»).

I. В качестве отправного пункта предлагаемых рассуждений я укажу «парадокс лингвистического знака»:

(а) участники вербального процесса используют для смыслообразующего говорения (письма) вербальные знаки, – при том что никакой знак, выделенный на любом уровне лингвистического анализа, не обладает автономным смысловым тождеством, не может сам выступать смысло-формальным единством, достаточно определенным для intersубъективного понимания в тождестве.

Иными словами, никакое тело знака не может иметь конкретное закрепленное за ним единообразное значение, образовывать вместе со значением автономное смысло-формальное единство, – в отличие, скажем, от синего кубика, в котором сама связь тела объекта и его цвета не провоцирует никаких сомнений, мыслится достаточно определенной и бесспорной. В этом смысле показательно сравнение с простейшим арифметическим действием: если сопоставить сумму слов в высказывании и сумму слагаемых в простейшей математической операции сложения, то слова в отличие от чисел-слагаемых не обладают смысловым объемом, достаточно определенным для вычисления конкретной «суммы» – смысла высказывания.

Так, невозможно указать определенное «значение» (или «смысл») таких «независимых знаков», как, скажем, написанные или звучащие слова [модель], [петров], [следует], [я], [мы], графемы [СКС], [Сомн] и пр. Не говоря уже о словах [идет], [давай], [уже], [так], [что], [да], [это], [бы], и о таких знаках, как точки, тире, пробелы, кавычки и пр. (тем более не говоря о совсем не словесных знаках, таких как изображение креста, красный свет, указательный жест, кивок головой, пожимание плечами, потирание рук и пр.).

Недостаток «кубическо-цветовой» определенности в мире слов в неспециальных (как, впрочем, и специальных лингвистических) объяснениях часто преодолевается постулированием «языка», который становится средством наведения порядка в области тех самых вербальных единиц, откровенно стремящихся в автономном режиме

к семантической энтропии (см. примеры выше): «язык» необходим исследователю как *deus ex machina* – чудесный априорный механизм упорядочивания хаоса, как средство зафиксировать ускользающие элементы, связать и оставить смысло-формальные «знаки» в статусе хранителей и создателей семантики. Схваченные «языком», они как будто предстают единообразными, общеизвестными, внедренными в сознание всех, кто знает данный «язык». В рамках этой концепции постулируется единая «грамматика и словарь» данного «языка».

Однако ущемить реальное положение дел оказывается не так-то просто, особенно если *смыслообразование* – а только ради этого производятся и понимаются любые «языковые» (и вообще знаковые) высказывания – ставится во главу угла при создании теоретической модели. Из наиболее простых и очевидных аргументов, подтверждающих неспособность языковой модели объяснить смыслообразование посредством знаков, можно указать следующие.

Во-первых, число знаков «языка» гораздо меньше числа «обозначаемых», считать ли таковыми образы сознания (например, стоические *semainomena*) или реальные вещи (последние, впрочем, очевидно нереалистичны в качестве «обозначаемых», о чем заключали сами стоики, отличая их от образов сознания и называя *hypokeimena*, или *substrata*). Поэтому говорящий (пишущий), вовлекая мыслимые объекты, признаки, действия и пр. в коммуникативные интеракции посредством знаков, изначально не может рассчитывать на то, что за каждым из «тел знаков» автоматически всплывает то самое, нужное ему обозначаемое. Одному знаку (ввиду того, что знаков меньше, чем денотатов) с неизбежностью приходится представлять сразу множество (и даже не одно) объектов, признаков, действий и пр.

Иными словами, если говорящий указывает посредством знаков, что, скажем, «Этот самолет прилетает в два по местному», то он, как ни странно, не может сделать этого посредством употребленных слов-знаков, поскольку [этих самолетов] в мире очень много, летают и [прилетают] как самолеты, так и люди, и птицы, и вести и пр., не говоря уже о множестве [двух] и множестве [местных]. Указать посредством таких «знаков» на все сразу, или указать на что-то конкретное, но непонятно на что – для говорящего и адресата равносильно отсутствию какого-либо указания. Поэтому, хотя «тело» данного предложения и состоит на первый взгляд из знаков-слов и может быть в такой форме произнесено (написано), но сформулированный выше парадокс в отношении слов данного предложения остается незыблемым: такие «знаки» не могут служить достаточно определенными семантическими указателями. Именно поэтому тот, кто читает сейчас эти строки, не способен понять, какой из самолетов назван [этим самолетом], какие [два (часа)], какое [местное], [прилетает] ли он сейчас или все-таки прилетит в будущем, или уже прилетел, но когда?

Во-вторых, любое выяснение значения отдельного слова, то есть «знака» (тем более звуков и морфем), всегда оборачивается необходимостью знать так называемый *контекст*. Эта необходимость дает себя ощутить и в только что приведенном случае.

В этой связи нужно заметить, что ставшие классическими рассуждения Ч.С. Пирса, Г. Фреге, Ф. де Соссюра и Ч.У. Морриса [Слюсарева 1975, 15], так или иначе основанные на спонтанной презумпции существования знака («тело» плюс «значение»), не обходятся без контекста и интерпретатора. При этом существование знака (с имеющимся в нем значением – иначе это уже не «знак») принимается по умолчанию, а *контекст* и *интерпретатор* в предложенной классиками концептуальной конструкции прилагаются к постулированному знаку как бы в дополнение, в качестве уступки и оговорки. Однако следует признать, что эта оговорка, в конце концов, равносильна вполне определенной констатации: *знак имеет значение (воспринятое «тело» ассоциируется с каким-то смыслом-значением) только в контексте и в зависимости от интерпретации*. При условии должного отношения к этой уступке-оговорке требуется, таким образом, радикальная смена декораций: на месте утверждения «знак имеет значение» появляется «знак может иметь значение только в контексте, в зависимости от интерпретатора».

Заметим, что логическая беспомощность, которую продемонстрирует при отстаивании автономного «знака» любой сторонник классического семиозиса, только усугубится размышлениями о том, как проявляет себя контекст и как «работает» интерпретатор.

Если говорящий говорит знаками и понимает знаки (а не что-то другое), то они, пожалуй, и создают тот самый «контекст». И тогда уже каждый из знаков, окружающих данный рассматриваемый «знак», не обнаруживает определенного значения и сам нуждается в контексте. Вместе эти семантические переменные (или «ноли определенности») не могут создавать никакую определенную отличную от ноля сумму. Для каждого неизвестного «икс» (которое интерпретатор старается вычислить по контексту) нет окружающей его «известности», на фоне которой у неизвестного «икса» обозначились бы четкие контуры. Сумма семантических неизвестных дает неизвестное, сумма семантических нолей дает ноль. Это относится как к словесным, так и несловесным контекстам, если считать контексты составленными из таких же «тел знаков» («означаемые» которых нужно определять по возникающему в контексте «контуре»). Вопреки ожиданиям и традиционным формулировкам контекст, составленный из «требующих контекста знаков», не может быть источником определенного значения для отдельного «тела знака».

Интерпретатор (включая самого автора знаковой деятельности) в таких условиях не смог бы найти нигде твердой почвы для уверенной интерпретации. Если его сознание работало бы с такими «знаками» и каждый из них требовал бы подгонки под знаковый контекст, интерпретатор перебирал бы бесчисленные сочетания возможных значений, дававших, в свою очередь, различные суммы значений, но уверенности не было бы нигде ввиду огромного (бесконечного) множества позиций и комбинаций.

Иными словами, неизбежная ссылка на «контекст» при выяснении значения вербального знака *ex necessitate* подтверждает, что в автономном знаке значение (смысл) отсутствует и что знак сам по себе не способен быть слагаемым смысла (значения).

В-третьих, знание знаков языка почему-то не гарантирует от непонимания (или недопонимания) между теми, кто знает один и тот же язык, состоящий из одних и тех же знаков («словарь») и правил их сочетания («грамматика»). Если понимаются знаки, составляющие вместе единую систему, которой владеют все аутентичные «носители этой системы», то почему существует интерпретация сказанного (написанного), которая всякий раз производится заново, а кроме того, она почему-то варьируется в своем качестве – бывает успешной, менее успешной, совсем не успешной, просто нулевой?

Иными словами, зачем интерпретировать, если в сознаниях всех носителей и без того работает единый язык, обеспечивающий в своем статусе всеобщего кода взаимодействие и понимание говорящих (пишущих)? И откуда возникают неверные или неточные интерпретации, если говорящий и интерпретатор знают единый язык?

Постулирование знания единого языка (если продолжать на этом настаивать) может обернуться и совсем странным суждением, своего рода еще одним парадоксом, вернее, вариацией первого:

(b) говорящие (пишущие) порождают и понимают вербальные формы (слова, словосочетания, предложения, грамматические конструкции), известные им как родной или не родной язык, которые представлены множеством языковых единиц и правил их сочетания («грамматика и словарь данного языка»), – при этом «всеобщность языка» делает бессмысленным любой случай очередного порождения языковой «формы-содержания», ввиду заведомого знания этих форм-содержаний всеми: любая вербальная формула и значение, воспроизведенные носителем языка, уже известны тому, кто знает данный язык.

Иными словами, из презумпции, что понимается язык и что язык (знаки языка) известны всем говорящим, следует, что говорение (письмо) на данном языке является излишним, избыточным, бесполезным занятием как для говорящего (пишущего), так и для реципиента.

При этом реальность такова, что говорящие, зная всем известный язык, по какой-то причине на нем все-таки говорят, пишущие пишут, а прямые адресаты и косвенные

интерпретаторы, зная тот же самый язык, по какой-то причине всякий раз заново слушают/читают сказанное и написанное.

Пожалуй, именно второй вариант парадокса доводит до окончательной дискредитации попытки объяснить смыслообразующую речь (письмо) в рамках знаковой (языковой) модели. Одновременно здесь уже вполне отчетливо просматривается возможность разрешения двояко представленного «парадокса лингвистического знака».

В самом деле, говорящие (пишущие) не «говорят язык», а делают что-то при участии того, что называется «языком». Именно это и требовалось доказать выдвинутыми ранее «парадоксами», то есть предпринятым возведением теоретической ситуации *ad absurdum*:

порождается и понимается нечто совершенно иное, нежели вербальные знаки, структуры, единицы – эти несамостоятельные пустые «фантики», не обладающие собственным контентом.

Для пущей убедительности присовокупим несомненный факт, что искомым результатов в порождении и понимании некоего смысла зачастую можно добиться и без участия вербальных структур, например, показать фотографию вместо того, чтобы словами описывать внешность, указать жестом направление движения вместо вербального объяснения, нарисовать схему проезда вместо изматывающего словесного описания, улыбнуться вместо вербального изъяснения простых чувств и пр.

Более того, производиться, пониматься и интерпретироваться могут и несемiotические поступки, в которых принципиально отсутствует знаковый компонент, в том числе вербальный [Вдовиченко 2018].

Заметив далеко не прямоточную связь между знаком и смыслопорождением и освободив вербальное «означающее» от навязываемой ему функции автономного означивания, внимательный наблюдатель приходит к разрешению мнимого «парадокса лингвистического знака»:

порождаются и понимаются вовсе не слова, или какие-то иные «знаки» и «языки», а комплексные семиотические (как, впрочем, и несемiotические) действия, источником которых является личное когнитивное состояние актора (деятеля, коммуниканта).

Таким образом, чтобы преодолеть мнимый парадокс, оказалось достаточным избавиться от той ошибочной (концептуально неэффективной) позиции, которая изначально полагалась в области «дано», принималась автором парадокса (и, вероятно, адресатом) по умолчанию: «естественная смыслообразующая речь состоит из слов (знаков), и понимаются в ней слова (знаки), вместе составляющие единый для всех язык».

II. Следующим шагом для исполнения нашей задачи (а она состоит в том, чтобы представить парадоксы на фоне несколько обновленного понимания смыслообразования в семиотических процедурах) будет наблюдение за концептуальной картиной создания и разрешения первого (только что приведенного двоякого) парадокса, с целью представить ряд положений, значимых для описания смыслообразования, что позволит, в свою очередь, «изготовить» ключ для отмыкания прочих парадоксов.

Определяя значение любой семиотической процедуры как *воздействие* (попытку воздействия) на внешнее мыслимое когнитивное состояние (подробнее см: [Вдовиченко 2008]), исследователь заручается несколько обновленной методологией анализа любых знаков, считая их отныне несамостоятельной частью коммуникативных процедур (семиотических актов). «Значение знака», условно выделяемого во всегда комплексном (многоканальном и многофакторном) семиотическом поступке, становится понятным только через определение той позиции, которая была отведена ему актором в личном воздействии на постороннее сознание.

Иными словами, чтобы понять какую-то знаковую последовательность, нужно обратиться не к знаку как таковому, а по совокупности параметров восстановить когнитивное состояние коммуниканта: какие объекты имел в виду совершающий действие коммуникант, на что он указывал, какие связи между мыслимыми им объектами устанавливал, чего добивался, какие эмоции испытывал, о чем помнил в данный момент,

какие ценностные позиции отстаивал, и пр. и пр. (похожим образом, чтобы понять чьи-то незнакомые действия, интерпретатору столь же необходимо восстановить – из доступных ресурсов и параметров – все то же когнитивное состояние коммуниканта и, таким образом, достигнуть понимания актора, а не самой «знаковой» структуры).

Ввиду невозможности для знака самостоятельно означать, производить означивание может только субъект когниции и семиотического действия. Соответственно, интерпретация знаков может быть только установлением самой процедуры «обертывания» мыслимых воздействий в доступные и признанные пригодными «фантики», назначение которых состоит в том, чтобы помочь успешному транслированию когнитивного состояния данного обладателя сознания, который решил произвести *hinc et nunc* семиотическое воздействие.

Таким образом, при условии, что наблюдателя интересует акциональное коммуникативное смыслообразование (а только ради этого коммуникант утруждает себя говорить/писать), исследование знаков неизбежно оборачивается исследованием личного семиозиса. Такой объект – когнитивное состояние коммуниканта, производящего коммуникативное воздействие, – радикально отличен от любой вербальной структуры, в том числе от так называемого речевого действия (ср. у Серля и др.), в концепции которого неправомерно выделяется и изолируется один семиотический канал (вербальный), а также сохраняются прежние вербальные единицы («знаки») и «язык» как системный инструмент говорения «словесными знаками» (ср. также у Витгенштейна). Именно эти знаки, упакованные в «язык», и приводят к приведенным «неразрешимым» парадоксам (*a, b*): реальность смыслообразования, которую, казалось бы, призвана «схватить» концепция «вербального знака», формируется совсем не знаками, складывается из иных слагаемых, изначально не соответствующих наивной описательной схеме. Для объяснения естественного смыслообразования (которое доводится до абсурда и проблематизируется антично-пирсово-соссюрловской, в целом, структуралистской, теорией «знака») оказывается необходимым не «знаковый язык», а *всегда комплексный личный когнитивный процесс, следствием которого становится решение произвести всегда комплексное (воз)действие*. Последнее в отличие от скрытой мысли уже может обнаруживаться и распознаваться существом *homo sapiens sapiens* благодаря множеству разноканальных и многофакторных параметров (визуальных, аудиальных, вербальных, жестовых, ресурсов долгосрочной и краткосрочной памяти, индивидуальных фреймов, ситуативных данных, имеющегося опыта, и пр. и пр.). Условно выделяемые исследователями отдельные языковые «знаки» оказываются не более чем попыткой приспособить сложную психологическую реальность смыслопорождения к изначально неточно сконструированной описательной схеме: комплексный семиотический процесс насильственно редуцируется к вербальному и измеряется предметно-вербальными знаками (ср. с задачей измерить время единицами физического объема).

В проекции на приведенный «двойкий» парадокс коммуникативная модель знаковой обнаруживает себя в следующих чертах.

У парадокса (*a, b*) есть автор, который производит коммуникативное (семиотическое) воздействие на адресата, то есть формулирует так называемый парадокс. Автор выделяет интересующие его объекты (вербальный знак, говорение, смысл, язык, значение и др.) и в итоге представляет их в таких отношениях, которые не позволяют помыслить связи между ними непротиворечивыми. Адресат оказывается неспособным производить над ними представимые операции – найти определенную сумму из неопределенных слагаемых, создать заново то, что уже существует, и пр.

«Парадоксальное» коммуникативное действие, как и любое семиотическое, совершается только потому, что автор преследует целью произвести изменения в когнитивном состоянии адресата: его семиотическое действие является попыткой дать реципиенту инструкцию (предложение исполнить требование) по тому, как мыслить данные объекты и связи. Преследуемым результатом этого воздействия является «подвешивание» когнитивной системы адресата, достижение (путем семиотического воздействия)

такого состояния, когда данные объекты и связи не складываются в приемлемую схему оперирования с ними: невозможно исчислить сумму неизвестных величин, невозможно узнать заново то, что уже известно.

Существенно, что предпринятая акция (формулирование парадокса) полагается в области индивидуальной когниции и межличностного взаимодействия, а не в области «природы вещей». Парадокс (такого или подобного рода) в самой реальности доселе не обнаруживался. Наоборот, «природа вещей» с очевидностью демонстрирует, что в ней «сумма неизвестных величин» почему-то исчисляется, а «заведомо известное» зачем-то говорится и «узнается заново». «Находить сумму неизвестных переменных» и «узнавать заново уже известное» не получается только в сфере, сформированной в результате произведенного воздействия (сформулированного парадокса).

Коммуникативную природу парадокса иллюстрирует то, что представленное адресату противоречие (*a, b*) для самого автора парадокса с самого начала не существовало как противоречие. Автор заранее знал, как снять (попытаться разрешить) данный парадокс. К высказываниям (*a, b*) он прибегнул только потому, что рассчитывал на определенную стадийность реакций реципиента и последующее исполнение своей миссии «разрешителя парадокса». В момент высказывания (написания) парадокса когнитивное состояние автора состояло не в том, чтобы *так* мыслить, а в том, чтобы осуществить *искомое воздействие* на чужое сознание.

Так происходит в любой коммуникативной интеракции: состояние сознания коммуниканта не идентично совершаемым воздействиям (семиотическим или несемиотическим). Мысль и действие не могут быть тождественными: первая не акциональна (не способна к трансформированию внешнего когнитивного или некогнитивного пространства), а второе, наоборот, представляет собой достижение внешних изменений, попытку реформатирования некоего *status quo*, локализованного в постороннем сознании или сегменте предметной реальности. Мысль (когнитивное состояние) остается сокрытым от постороннего сознания всегда, но по параметрам действия (в данном случае – семиотического воздействия) личный когнитивный процесс можно представить, восстановить, воссоздать. То есть понять актора (в данном случае коммуниканта) – обнаружить смысл действия.

(Сравним: «вещь в себе» в отличие от обладателя сознания не может автономно быть какой-то, она не может «действовать» ввиду чуждости ее собственных мотиваций и поведения, которые не доступны сознанию. «Понимание вещи» («природы вещей») представляет собой включение в схему доступного человеческому сознанию действия – роста, покоя, сопротивления механическому воздействию, питания, переживания смены времен года или времени суток и пр.).

Иными словами, летящая стрела Зенона неожиданно останавливается и никуда не летит (то есть вдруг «порождает парадокс») только в условиях пребывания в когнитивно-коммуникативном пространстве. Сама стрела, как и любой объект или явление, не может обладать никакими свойствами вне когнитивно-коммуникативной процедуры, в том числе не может порождать парадокс. Летит она или не летит, неясно до тех пор, пока актер-наблюдатель не сформировал объекты и не ввел систему координат.

Здесь, к слову, традиционный спор о соотношении субъективного и объективного имеет все шансы оказаться разрешенным: если в сфере когниции можно констатировать неясность объектов и процессов, репрезентированных сознанием самому себе несемиотическим способом, и тем самым дать простор для спекуляций о тождественности (объективности) единиц и механизмов внутренних сознательных процессов, то семиотическая процедура заведомо не может быть внесубъектной ввиду обнаружения в каждом коммуникативном поступке личных целей воздействия (в том числе позиции наблюдателя). Преследование этих целей и порождает смысл производимого семиотического поступка. Смыслообразующее коммуникативное действие не может самопорождаться, оно не существует вне деятеля, совершающего личное реформатирование (попытку изменения) постороннего когнитивного состояния. В такой ситуации (когда замечены индивидуальные цели семиотического воздействия) бывшее «объективное»

с неизбежностью становится интерсубъектным, коммуникативным, с очевидностью сохраняя и демонстрируя свой субъективный статус.

Иными словами, *летающая стрела вне наблюдателя*, или «стрела в себе», не имеет никаких приписываемых ей свойств, будучи «вещью в себе». Ее невозможно помыслить. *Летающая стрела в сознании наблюдателя*, или «помысленная стрела», приобретает какую-то систему когнитивных координат, но индивидуальные механизмы восприятия и интерпретации (например, ответ на вопрос «движется стрела или нет в сознании наблюдателя?») скрыты и потому неочевидны в своих основаниях. О них невозможно определенно мыслить. Тестировать когнитивное состояние наблюдателя, помыслившего летящую стрелу, без осознанных действий с его стороны невозможно.

Наконец, *стрела, летающая в коммуникативной процедуре*, или «стрела в семиозисе», не оставляет никаких сомнений в субъективности происходящего: сказавший «Летит стрела» свидетельствует о своей занятости семиотическим воздействием, что дает возможность адресату (и даже требует от него) устанавливать авторское когнитивное состояние («смысл»), в том числе тестировать данное действие на предмет «соответствия действительности», определять, зачем это было сказано, и пр. Очевидность субъективности коммуникативного воздействия заключена не в том, что стрела летит или покоится, а в том, что *кто-то со всей очевидностью это говорит* (производит семиотическое действие), реализуя собственные цели.

Обозначим несколько положений, определяющих собой конфигурацию того ключа, который можно использовать для отмыкания парадоксов, как уже приведенных, так и обсуждаемых далее:

1. Любой парадокс является коммуникативным поступком (попыткой семиотического воздействия), у которого есть автор.
2. В любом коммуникативном акте, в том числе в формулируемом парадоксе, понимается (в том числе верифицируется и оценивается) не словесное предложение, а авторское когнитивное состояние в момент воздействия (сравним: невозможно понять, в том числе признать истинным или ложным, автономное («ничейное») предложение «Сейчас глубокая ночь», «Этот человек Сократ», «Мысль и действие не могут быть тождественными», «Стрела летит» и пр.; можно понять, в том числе признать истинным или ложным, только личное коммуникативное действие, в состав которого входят эти вербальные структуры: кого и зачем данный коммуникант называл Сократом, кто, когда и зачем констатировал глубокую ночь, какие аспекты он имел в виду, говоря об отсутствии тождества мысли и действия, о какой стреле указывал, что она летит, и правильно ли это делал, и пр.; сами по себе, вне актора-коммуниканта и его семиотического поступка, эти высказывания не имеют тождественного смысла).
3. Смыслообразование в семиотических процедурах (в том числе в парадоксах) может быть только коммуникативным, ответственным, обнаруживающим помысленное действие коммуниканта, которое интерпретируется в ходе понимания.
4. Коммуникативный смысл парадокса, как любого семиотического акта, состоит в попытке автора (коммуникативного актора) навязать инструкцию по тому, как оперировать с предъявленными объектами и связями. По сути – спровоцировать запуск программы мыслительных процедур, при попытках исполнения которых подвешивается когнитивная система адресата.
5. Парадоксальное коммуникативное воздействие отличается от обычного, непарадоксального, тем, что выполнить авторскую «инструкцию» оказывается невозможным, несмотря на видимую тривиальность положений «инструкции».
6. В коммуникативном действии даже область «дано» не может быть определена как существующая сама собой, вне автора действия. Аристотелевское автономное «существование подлежащего» оказывается невыполнимым в коммуникативной процедуре: подлежащее в коммуникации назначается и мыслится говорящим (пишущим) обладателем сознания. В коммуникации оно, скорее, попадает в область сказуемого («сказывается» весь привлекаемый набор «тел

знаков», чтобы сделать намек на когнитивное состояние коммуниканта доступным мыслимому адресату), а коммуникативным подлежащим становится незнаковое когнитивное состояние обладателя сознания, выходящего в коммуникативное пространство, чтобы в нем внести изменения в посторонние когнитивные состояния.

7. Знак не может производить воздействие автономно. За любым семиотическим действием стоит актер, инициирующий семиотическое воздействие. Именно он, а не знак или реальность, коммуницирует с реципиентом, осуществляя на него интерпретируемое воздействие.
8. Обозначающим в коммуникации выступает сам актер: только он, а не знак, не имеющий собственного когнитивного состояния, может «обозначать» личные когнитивные состояния посредством семиотических воздействий.
9. Ввиду того, что источником семиотического действия является актер (не знак, не «положение» или «природа» вещей), знаковая последовательность не может означать больше или меньше того, что помыслил коммуникант в своем коммуникативном действии, в состав которого интегрирована знаковая последовательность.

Все названные пункты (1–9) совокупно составляют *принцип коммуникативной определенности*, на котором выстраивается *теория смыслообразования* в коммуникативной модели семиотического (в том числе с участием слов) процесса.

III. Признание коммуникативной сути смыслообразования, состоящее в том, что знаковая деятельность нужна «обладателю сознания» только для искомого воздействия на представимое внешнее когнитивное состояние, в то время как внутренний мыслительный процесс – тем более сама «реальность» – не нуждаются в знаковой деятельности [Вдовиченко 2019], несколько размывает границы понятия «парадокс». То же размывание происходит, например, и с понятием «поэтический текст»; см.: [Вдовиченко 2017]. С точки зрения коммуникации парадоксальной (невыполнимой, «подвешивающей») может оказаться еще какая-то, ранее не причисленная к парадоксам, «инструкция» по оперированию с предлагаемыми объектами и связями.

Так, при использовании коммуникативного критерия причислить к парадоксам можно теорему Патнэма, его так называемый «теоретико-модельный аргумент» (о теореме см.: [Макеева 1996, 57; Целищев 2002, 153]), использованный им в полемике со сторонниками классической («корреспондентной») теории истинности. Парадоксальность патнэмовского семиотического поступка, как и полагается, осознается не в области «положения вещей», а в области, которая задается когнитивным состоянием и коммуникативным действием автора парадокса, то есть в психологической области взаимодействия сознаний актора и реципиента, или области коммуникативного смыслообразования. «Природа вещей», со своей стороны, не обнаруживает никакой противоречивости до введения авторской системы координат, авторского когнитивного состояния и «намекающего» на это состояние семиотического поступка, который в отличие от несуществующей «ничейной» знаковой структуры адресат (наблюдатель) может оценивать и верифицировать.

Возникновение апории провоцируется невольным и повсеместно распространенным полаганием Патнэма на знаки, которые он, повинувшись традиции, по умолчанию принимает за «носители значения», и на «язык», который также по умолчанию он признает «системой значений и значимостей».

Именно эти понятия полагаются Патнэмом в области «дано», которая рассматривается им как бесспорная, не требующая обоснований, то есть как область аристотелевского «подлежащего»:

(с) «Теорема. Пусть L будет язык с предикатами $F_1, F_2... F_k$ (не обязательно одноместными). Пусть I будет интерпретацией, в смысле приписывания интенционала каждому предикату в L . Тогда, если I не является тривиальной в том смысле, что, по крайней мере, один предикат имеет экстенционал, который не является пустым или всеобщим, по крайней мере, в одном возможном мире, существует

вторая интерпретация J, которая не согласуется с I, но которая делает те же предложения истинными в каждом возможном мире, в котором их делает истинными I» [Лакофф 2004, 330].

Как известно, сам Патнэм поясняет содержание теоремы в довольно экстравагантной форме [Putnam 1981, 33]. Он отмечает, что когда некто говорит о кошках и коврике («кошка сидит на коврике»), он, вполне вероятно, имеет в виду, скажем, вишни и дерева («вишня висит на дереве»). Различие в указании не будет проявляться для двух этих интерпретаций, поскольку все, в чем уверен один человек (некоторая кошка находится на некотором коврике), выражается предложением, которое в интерпретации другим человеком есть нечто, в чем уверен уже он (некоторая вишня висит на некотором дереве). Всякий раз, когда один человек говорит о кошках, он может иметь в виду то, что другой человек называет вишнями, и наоборот. И если один человек собирался бы сказать, что кошка находится на коврике, другой человек согласился бы, поскольку считал бы, что первый человек говорит о том, что вишни находятся на дереве.

Иными словами, может быть достигнуто полное согласие между двумя людьми относительно того, каковы факты мира, то есть относительно того, какие предложения являются истинными, и все же тот факт, что когда один человек говорит о кошках, а другой говорит о том, что первый называет вишнями, может не проявиться ни в чем [Хакинг 1998, 114–115].

Смысл доказанной теоремы, как видно, сводится к демонстрации неопределенности референции: от высказывания «языка» невозможно ожидать фиксированного одно-однозначного (взаимно-однозначного) соответствия «знак – значение»; одни и те же предметные знаки не гарантируют тождества – они могут означать разное для различных носителей (или пользователей) одного и того же «языка»; не существует независимых от наблюдателя тождественных референций единиц «языка». Так, согласно самому Патнэму, неопределенность референции означает, что «существует... множество различных “соответствий”, которые репрезентирует возможные отношения референции», и невозможно выделить какое-то одно “действительное” соответствие, о котором говорит корреспондентная теория истины [Putnam 1981, 47; Макеева 1996, 105].

Используя уже приведенную аналогию, можно сказать, что, согласно теореме, кубики-слова (высказывания) неожиданно оказываются *не слитыми* с нанесенными на них цветами-значениями; кубики-слова в процессе смыслообразования наделяются внешним для них смыслом. По отношению к суждению прямая корреляция «знак – значение» оказывается неадекватной, поскольку единицы «языка», использованного для оформления суждения, могут подпасть под иную, не закрепленную за ними интерпретацию. При этом различные интерпретации одного и того же (по форме) суждения могут обладать истинностью (свойством высказывания, на котором фокусируется Патнэм). Внутреннее различие суждений ввиду единой формы может не обнаруживаться вовне, поскольку единая словесная формула может устраивать всех, будучи выразителем сразу нескольких истинностных значений.

Таким образом, Патнэм добивается исполнения своей коммуникативной задачи: данная им «инструкция» отрывает тело знака от значения, однозначно помещает процессы смыслообразования в сознание («возможный мир» интерпретатора) и настоятельно требует от адресата согласиться с тем, что кошки в один прекрасный момент могут оказаться вишнями в каком-то из «возможных миров». Кажется, все так и есть: знаки действительно нетождественны и неавтономны, процессы смыслообразования субъектны, «возможные миры» непредсказуемы. В чем же парадоксальность? Почему теорема Патнэма – все же парадокс, то есть неисполнимая инструкция оперирования с предложенными объектами и связями?

Все дело в том, что теорема предполагает два прямо противоречащих друг другу «когнитивных состояния» автора:

1. Язык *L*, данный по условиям теоремы, не рассматривается Патнэмом как бессмысленный. Поскольку он «язык», он обладает способностью производить опреде-

ленную референцию для выражения смыслов (для этого «язык» и нужен «пользователем»). Язык для Патнэма «обладает предикатами», то есть в области смыслообразования является *чем-то*, играет традиционно признаваемую роль всеобщего средства смыслообразования.

2. Тот же самый язык *L* не обладает способностью производить определенную референцию для выражения смыслов. В пространстве мысли Патнэма (где не отрицается легитимность всеобщего языка) язык почему-то не может быть чем-то определенным, играть традиционно отводимую языку роль.

Другими словами, постулирование языка *L* в качестве исходных данных теоремы необходимо Патнэму для того, чтобы представить затем *осмысленное предложение*, созданное на этом языке. Язык *L* обеспечивает создание такого предложения. Парадоксальным образом доказываемое утверждение состоит именно в том, что предложения, созданные на этом языке, могут иметь несколько истинных интерпретаций, что, в свою очередь, равносильно признанию, что язык *L* не может быть средством создания определенных (в смысловом отношении) предложений, понимание которых должно быть тождественно, стабильно и в целом достаточно хотя бы для совместных практических действий, совершаемых пользователями этого «языка» (заметим, что примером нетождественной интерпретации как раз и служат столь далекие друг от друга «кошки» и «вишни», которые ни в коем случае нельзя признать достаточным основанием для совместной практики, тем более для верифицируемого практикой понимания).

Фактически речь идет о том, что утверждение, выводимое в ходе доказывания теоремы («по крайней мере, в одном возможном мире, существует вторая интерпретация *J*, которая не согласуется с *I*, но которая делает те же предложения истинными в каждом возможном мире, в котором их делает истинными *I*»), *противоречит и отрицает область «дано»*, которая для самого Патнэма не подвергается сомнению (поэтому и помещается в «данные» теоремы): «пусть *L* будет язык с предикатами $F_1, F_2, \dots, F_k$ (не обязательно одноместными). Пусть *I* будет интерпретацией, в смысле приписывания интенционала каждому предикату в *L*».

В результате доказательства получилось так, что «данный» язык не способен произвести указание на кошку, не рискуя перепутать ее с вишнями. Но именно это, в пространстве Патнэма, делает язык языком: он нужен для того, чтобы выражать значения. В противном случае это уже не язык, и его изначально нельзя было поместить в области «дано»: язык, не способный обозначать, – для самого Патнэма не существует как мыслимый объект.

Здесь как раз и обнаруживает свою эффективность ключ, созданный для отмыкания парадоксов (см. выше раздел II, пункты 1–10) – коммуникативное объяснение смыслообразования в семиотической процедуре, в том числе в так называемых парадоксах.

Дело в том, что в пространстве патнэмовской мысли (в той расстановке мыслимых объектов и связей, которые он принимает по умолчанию) других «смыслообразователей», кроме языка и слов, у теоретика нет. Он считает выразителем истинности (обладателем значения) вербальную форму: она чему-то соответствует, имеет значение, интерпретируется, обладает какими-то свойствами. Но в отличие от языкового мира Патнэма в естественном коммуникативном процессе *пониматься* (в том числе оцениваться и верифицироваться) *может только личное комплексное семиотическое действие*, в том числе такое, которое исполнено без каких-либо слов, но которое в отличие от ничейного языка неизбежно отсылает к личному когнитивному состоянию – единственно возможному тождественному объекту интерпретации в семиотическом пространстве: совершаемый кем-то семиотический поступок, в состав которого входят слова «Сейчас ночь» (или «Кошка сидит на коврике», «Вишня висит на дереве») можно понимать – верифицировать, признавать шуткой, иронией, определять цель говорения, и пр., в то время как автономное, «ничейное», высказывание невозможно оценивать и понимать, в том числе признавать истинным или ложным.

Иными словами, снабдив адресата странной «инструкцией» («слова языка имеют интерпретацию, не обладая фиксированной интерпретацией») и введя его в апорию относительно того, как ее исполнять, Патнэм и сам оказывается в недоумении: как говорящие говорят, если они говорят таким языком, в котором «кошки» могут указывать на «вишни»? На этот вопрос Патнэм не дает убедительного ответа ни в теореме, ни в более обширном контексте своей философии. Язык и его элементы (знаки) сохраняются у него как модуль во всех возводимых конструкциях.

В этом смысле в отличие от приведенных «парадоксов» *a* и *b*, которые не были «парадоксами» для самого автора (а всего лишь коммуникативной провокацией), автор «теоремы» (парадокса *c*) сам оказался в тупике. Такая невольная добросовестная скованность Патнэма собственными ограничителями (полаганием на традиционный объект «язык»), вероятно, увеличивает кумулятивный эффект теоремы, усиливая ее готовность самоликвидироваться, разорваться изнутри, но одновременно обнаруживает простой способ элиминирования теоремы-парадокса: «язык», мыслимый Патнэмом по умолчанию, должен быть изъят из числа объектов, которые автор теоремы со всей серьезностью расставил для адресата, чтобы тот, неожиданно вместе с автором теоремы, угодил в когнитивную ловушку. Тот самый патнэмовский язык (одновременно – платоновский, аристотелевский, сосюрровский, витгенштейновский, хомскианский и пр.) в действительности не может производить референцию на мыслимые объекты и действовать в коммуникативном пространстве (но именно это – способность производить референцию – Патнэм поместил в «данные» теоремы). Интерпретируемую референцию может производить только коммуникант, совершающий семиотический поступок, в том числе такой, который совершается с участием вербальных комплексов. Только коммуниканта, а не «язык» или «знаки», в реальности можно интерпретировать. Он говорит (пишет, указывает, жестикулирует, демонстративно себя ведет и пр.) для определенно мыслимого воздействия (это и есть понимаемый «смысл-значение», согласно принципу коммуникативной определенности), точно зная, что скрывается за «кошкой», жестом, выражением лица, и добиваясь нужного ему коммуникативного эффекта – искомых изменений во внешнем когнитивном состоянии.

Как известно, Д. Льюис писал по поводу теоретико-модельного аргумента Патнэма: «Хилари Патнэм изобрел бомбу, угрожающую разрушить реалистическую философию, которую мы знаем и любим. Он поясняет, что способен не проявлять по этому поводу беспокойства и любит бомбу. Он приветствует Новый порядок, что бы он с собой ни принес. Но мы, продолжающие жить в районе назначения бомбы, не согласны. Бомба должна быть уничтожена» [Lewis 1984, 221; Макеева 1996].

Заметим, что в интересах утверждения «более реалистичного» реализма подвергнуть «уничтожению» нужно не только «бомбу Патнэма», но и ту «реалистическую философию», которой «бомба» отчасти угрожает, отчасти же сама является ее порождением (например, подлежащая обязательной ликвидации визитная карточка «реалистической философии» – суждение «язык есть дом бытия» М. Хайдеггера).

(Продолжение следует)

Ссылки – References in Russian

Вдовиченко 2008 – Вдовиченко А.В. Расставание с “языком”. Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: ПСТГУ, 2008.

Вдовиченко 2017 – Вдовиченко А.В. О поэзии с платоническим чувством. Наброски коммуникативной философии поэтического текста и «языка». Части I и II // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 29–41; № 7. С. 87–95.

Вдовиченко 2018 – Вдовиченко А.В. Акциональное смыслообразование: что порождается и принимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 112–125.

Вдовиченко 2019 – Вдовиченко А.В. Факт сознания и коммуникативное действие: краткий эксперимент // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). С. 30–41.

- Лакофф 2004 – *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Пер. И.Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2004.
- Макеева 1996 – *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма. М.: ИФ РАН, 1996.
- Слюсарева 1975 – *Слюсарева Н.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука. 1975.
- Френкель, Бар-Хиллел 1966 – *Френкель А.А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств. Пер. с англ. Ю.А. Гастева под ред. А.С. Есенина-Вольпина, М.: Мир, 1966.
- Хакинг 1998 – *Хакинг Я.* Представление и вмешательство. М.: Логос, 1998.
- Целищев 2002 – *Целищев В.В.* Философия математики. Ч. 1. Новосибирск: Наука, 2002.

References

- Fraenkel, Abraham, Bar-Hillel, Yehoshua (1958) *Foundations of Set Theory*, North-Holland Publishing Company, Amsterdam (Russian Translation 1966).
- Hacking, Ian (1983) *Representing and Intervening. Introductory topics in the philosophy of natural science*, Cambridge University Press, Cambridge (Russian Translation 1988).
- Lakoff, George (1987) *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*, The University of Chicago Press, Chicago and London (Russian Translation 2004).
- Lewis, David (1984) “Putnam’s Paradox”, *Australasian Journal of Philosophy*, Vol. 62, pp. 220–229.
- Makeeva, Lolita B. (1996) *H. Putnam’s philosophy*, Institute of Philosophy RAS, Moscow (in Russian).
- Putnam, Hilary (1981) *Reason, Truth, and History*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Slyusareva, Natalya A. (1975) *F. de Saussure’s theory in the light of modern linguistics*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Tselishhev, Vitalii V. (2002) *Philosophy of Mathematics*, Part 1, Nauka, Novosibirsk.
- Vdovichenko, Andrey V. (2008) *Parting with “language”*. *Critical retrospective of linguistic knowledge*, PSTGU, Moscow, (in Russian).
- Vdovichenko, Andrey V. (2017) “About Poetry with Platonic Feelings. Sketches on the Communicative Philosophy of the Poetic Text and ‘Language’”, *Voprosy filosofii*, Vol. 3 (2017), pp. 29–41; Vol. 7 (2017), pp. 87–95.
- Vdovichenko, Andrey V. (2018) “Actional sense production: what is generated and understood in the natural verbal process”, *Voprosy psiholingvistiki*, Vol. 3 (37), pp. 112–125 (in Russian).
- Vdovichenko, Andrey V. (2019) “Activity of consciousness and communicative action: a brief experiment”, *Voprosy psiholingvistiki*, Vol. 2 (40), pp. 30–41 (in Russian).

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры славистики и теории языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author’s Information

Vdovichenko Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics RAS; professor, the department of Slavistics and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.